

Нелетная погода

Самолет не бывает живым.
Самолет не может знать, что такое любовь.
Самолет суть холодный металл.
Самолет — всего лишь машина.

Ричард Бах

Каким бы он ни был, старым или новым,
из ткани или из жести,
самолет — это не просто машина.

Ричард Бах

Мы не сомневаемся, что в среднем девять из десяти наших читателей (и те, которые еще «надежды питают», и уже миновавшие этот этап бытия) скажут вполне уверенно: «Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери — одна из любимейших ими книг. Так вот: «Маленький принц» был написан в 1942 году — то есть ровно 60 лет назад. Дата, конечно, не круглая, но для всех нас, любящих Экзюпери, все-таки значимая.

А за несколько лет до того, конкретно в 1938-м, им была создана «Планета людей»...

Военный летчик Антуан де Сент-Экзюпери погиб в небе над Корсикой 31 июля 1944 года. Ровно 58 лет тому назад. Тоже дата (ибо вы сейчас держите в руках июльский номер «Химии и жизни»), хотя и не круглая опять же...

Так кем он был по сути — профессиональным писателем или профессиональным летчиком? Ответ на этот вопрос в годы Второй мировой войны попытался дать еще один француз, и тоже несомненно великий, — Шарль де Голль. «Либо пусть он пишет, либо летает» — вот смысл высказывания лидера Сопротивления... Да, не слишком любезно, мягко говоря. Ну, недолюбливал де Голль Экзюпери, это известно. Может быть, потому, что последний мог и писать, и летать, а генерал, пусть и великий, не мог этого понять?

Это понимаем мы. Поэтому сегодня и решили напомнить о тех самых датах. О великом писателе, для которого летать значило жить. И не только в снах, а наяву.

Рассказ нашего молодого автора, сегодня дебютирующего на «Литературных страницах» «Химии и жизни», именно об этом. О человеке, который, если он одухотворен, может, казалось бы, невозможное. И тогда мир ему в помощь.

Где тут фантастика, где реальность?

Николай Никифоров

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

1

Двигатель жалобно всхлипнул и окончательно заглох.

Контакт, детка. Я сказал — контакт!

Что может быть страшнее лопасти, которую ты видишь? Когда под тобой десять тысяч футов ветра, а руки не знают, что дергать — бесполозное зажигание, штурвал или свой собственный член? Наверное, ничего. Исходов два, один из них летален.

Заводись. Ради всего святого, заводись и не вздумай срываться с потока!

Странно. Перед вылетом Тони еще раз все проверил. И даже не потому, что не доверял бортмеханику... Наверное, этот парнишка сидит сейчас в кафе, потягивает легкое вино и закручивает очередной роман с какой-нибудь впечатлительной мадам... А ты — здесь, в этой самой кабине, откуда видно полнеба и еще чуть-чуть.

Не вздумай паниковать, идиот. К черту бортмеханика. Одно из двух: либо ты заводись, либо пытаешься сесть.

Тони потерял лапку бензонасоса. Иногда помогает. Мысленно отсчитал пятнадцать секунд, повернул ключ. Что-то щелкнуло, застонало, одна лопасть благополучно ушла вниз, на ее место пришла другая, но так и не соизволила убраться. Зараза. Их всего три, они дробят округность на равные части и толкают воздух. Благодаря этому мы летим, а не падаем.

Заткнись. Все, что угодно, только не парашют! В пустыне это — смерть.

Стрелка на шкале неумолимо ползла к отметке четырех с половиной. Внезапно Тони стало абсолютно все равно, заведется строптивая машина или нет. Скорее всего, не заведется. В ушах — тишина, перед глазами пляшут искры, а сам он — как рыба в аквариуме. Который летит вниз. На сотни миль вокруг раскинулись пески, в кабине теплело.

Только не в дюны. Куда угодно — только не туда!

Когда пропеллер крутится, есть право выбора, есть шансы и варианты. Сейчас вариантов только два: либо машина садится, либо... Сверху пустыня похожа на море, и, когда под тобой вибрирует твое кресло, в голову лезут самые интересные метафоры. А когда все молчит, а эти дюны несутся тебе навстречу, пустыня больше всего походит на гигантскую пилу, которая неумолимо приближается к твоему аппарату с полными баками.

Тысяча футов.

Тони чувствовал себя так, будто под кожу загнали лед. Жидкий лед. Одревеневшие руки вцепились в штурвал, глаза судорожно искали подходящую площадку. Восемьдесят миль в час.

Пятьсот футов.

Там, где не ступала нога француза.

Четыреста футов.

Там, где ленивые вараны показывают друг другу язык.

Триста футов.

Там, где солнце и песок рождают воду, которой нет.

Двести футов.

Где днем чувствуешь себя яичницей, а ночью — Дедом Морозом.

Сто футов.

Штурвал на себя. Не закрывать глаза. С солью проблем не будет.

Последние дюймы. Oh, Mon Dieu!

2

Тони очнулся от невыносимой духоты в кабине. Казалось, всё вокруг плавится: одежда, стекла приборов. Между ног расплылось вонючее пятно — мокрый спутник смерти. А как же иначе, черт побери? Когда вот-вот уйдешь, твой организм желает оставаться чистым, как в день рождения.

Ну вот ты и сел, чудик!.. Шлем отправился под кресло, а руки рванули затвор фонаря кабины. Да здравствует жизнь! Да здравствует моча!

В мутном стекле кабины мелькнула голова с кляксоподобной стрижкой. Конечно, это никак не вязалось с образом прилизанно-благообразного Тони, скажем, где-нибудь в кафе, поскольку сейчас он был «Тони После Того Как У Него Заглох Чертов Двигатель Прямо в Небе»...

Ему неслыханно повезло: машина умудрилась сесть на крошечном пятнышке между дюнами. Под ногами хрустел песок вперемешку с солью. Обилие колючек, и это радовало: возможно, здесь есть вода. В общем, неплохое местечко для ремонта птички Мари. Да, именно так — птички Мари: перед тем как испытывать машину, он дал ей это

имя. Теперь птичка Мари испытывала его... Рука потянулась в нагрудный карман и выудила оттуда маленькую записную книжку с огрызком карандаша.

29 декабря 1944 года, утро. Ну вот, я жив. Чего же боле? Ах да. Заглох мотор.

Тони забрался под крыло, хотя в этом пекле смысл тени испарялся. Ощущение рождественского гуся, которого сушили в духовку... Потом из кабины извлек термос, из другого нагрудного кармана — стальную фляжку коньяка. «От лучшего друга Леона на вечную память».

— Термос и пустыня, — рассмеялся Тони. — За тебя, Леон.

Да, смешно: брать с собой горячий чай, чтобы не замерзнуть ТАМ, и пить его ЗДЕСЬ, где можно вскипятить воду прямо на песке. Черт, а ведь всего полчаса назад у него был совсем другой расклад. Либо удачная посадка, либо смерть. Все определяет Шанс. Сейчас он почти такой же, как и был, лишь слегка поменялись условия задачи: либо птичка Мари взлетает, либо Тони остается в пустыне навсегда. Когда слишком часто встречаешься с костлявой, постепенно начинаешь привыкать к ее присутствию. Иногда она приходит в образе «фоккера», который садится тебе на хвост и вышивает имя фюрера на стабилизаторе. Иногда — в виде мальчишки бортмеханика, который что-то забывает. Взорваться в воздухе или даже разбиться — страшно, но быстро. Однако сейчас, в первый раз, костлявая явилась в виде пустыни, неисправного самолета и термоса с чаем (единственным запасом воды на ближайшие три дня). Интересно, как это: умирать в пустыне? Это очень долго?

— Пошел к черту, нытик! — ухмыльнулся Тони. — За тебя, птичка Мари! — Он сделал еще глоток и слил остатки чая в термос. Мало ли что.

Коньяк и полсигареты сделали свое дело. Захотелось спать — просто лечь, привалившись к покрышке колеса, и отключиться... Давным-давно, когда Тони еще и мечтать не смел, чтобы хоть разок посидеть за штурвалом, был у него друг. Точнее, старый Ренар был не просто другом — он был всем: воздушным змеем, который всегда взлетал; игрушечной яхтой, которая шла против ветра; добрым советом, после которого все сложное в три минуты становилось простым. Ренар говорил: «Если ты что-то не можешь сделать сейчас — значит, ты обязательно осилишь это потом. Сначала ты должен научиться думать, а потом делать».

А думать сейчас есть над чем. Первое — определить, на каких же параллелях и меридианах он, Тони, застрял. Второе...

— Дядя Ренар, а он правда будет летать?

— Все змеи до этого летали, а наш вдруг делает штопор? — Старик качает головой. — Обижаешь, друг.

Они сидят под каштанами, те зажигают свечи. Просветы между листьями заливают небо, по-весеннему фиолетовое, — его постепенно заполняют светлячки звезд. Тони все время ловил себя на одной и той же мысли: он ни разу не видел, как они туда прилетают. Вроде бы смотришь на кусочек полотна, там ничего нет — ну, иногда проплывет облако, совсем как борода Ренара, — и все. Но стоит на секунду оторвать взгляд, а светлячок уже там. И ничего с этим не поделаешь.

— Делал я змея, только он не хотел летать, — вздыхает Тони.

— Это потому, что ты неправильно подобрал рейки, понимаешь? Они должны быть ровные, а ты вон каких коряг настругал. Кривые, как моя жизнь.

Тони смеется — он нередко смеется, когда остается вместе со стариком. Мамы часто нет дома, а одному там делать нечего. Серебристую бороду Ренара всегда видно: он

живет в своем домике рядом, и Тони ему как родной, и мама — как блудная дочь. Он смотрит на нее сурово: никто не смеет так смотреть на маму. А старик может. И смотрит — она опускает глаза.

— А если одна половинка будет тяжелее другой, он никогда не взлетит, — поясняет Ренар.

— Почему?

— А почему одноногие не могут ходить без костылей?

— А...

Очень скоро становится так темно, что старик зажигает керосинку. Естественно, доделывание змея откладывается на завтра, и сейчас старик и мальчик ждут. Тони ждет свою маму. О стекло лампы неистово бьются мотыльки, с каждой минутой их становится все больше, слышен треск, на траву падают живые головешки.

— Почему они летят прямо в огонь?

— Потому, что мы их обманываем. На самом деле они летят на лунный свет, летят как можно выше, а там... — Тут Ренар улыбается.

— Что — там?

— Не важно. Вместо своей луны они получают керосин.

— Жалко, — вздыхает Тони.

— Что ж, в твоих силах потушить эту лампу.

Тони до слез жаль мотыльков, он предпочитает сидеть в темноте. Звезды светят очень ярко.

— Дядя Ренар, а какие они — звезды?

— Гм... Знаешь, я сам над этим думал. Долго.

— И?

— И ничего путного не придумал. А ты как считаешь?

— Ну... наверное, это такие светлячки. Только они на небе.

— А почему же они тогда не двигаются? — смеется Ренар.

— Потому, что они далеко.

— А почему же мы их видим?

— Потому, что... потому, что они очень большие. Вот почему.

Ренар удивленно смотрит на Тони. И уже не смеется.

— Тони, я тебе совсем немножко соврал. Я знаю, что такое звезды. Они такие же большие, как та земля, на которой ты сидишь. А от нас до них — миллионы миль.

— И там кто-то живет?

— Наверное. Я там не был... Кстати, вон твоя мама. Нам пора...

Он развел огонь невдалеке от машины. Сухие колючки великолепно горели. Тысячу раз он слышал, что ночью в пустыне очень холодно, но по-настоящему поверил в это только сейчас. И ему даже понравилось, что он здесь застрял: где еще увидеть такое огромное чистое небо? В городе его заслоняют дома, и разные неотложные дела, и женщины — и только здесь, абсолютно не опасаясь, что люди будут думать, можно лечь и смотреть. Наедине.

30 декабря 1944 года. Еще не утро, но уже не ночь. Я жив, только и всего.

И все-таки, почему она заглохла? Машина новая, можно сказать, с иголочки. Крутить бочки, вязать мертвые петли Тони не стал: он и птичка Мари еще как следует не подружались. Может быть, все дело в системе зажигания? Вряд ли: утром повисшие лопасти еще пытались двигаться. А сдохшая система зажигания не способна сдвинуть их даже на дюйм. Значит, что-то не так с двигателем. О, это может быть все, что угодно: карбюратор, который полон масла, потому что залили не то топливо; свечи, которые вышли из строя; треснувший картер; цепь, разорванная пополам и застрявшая между шестернями, и на полном ходу они могут просто расколоться...

Перестань, сказал он себе. Наступит утро, ты раскидаешь железку и все увидишь. Ты попытаешься связаться с кем-нибудь по радио, которое специально ради этого случая выйдет из строя. Но сначала ты возьмешь в руки секстант и с точностью до минуты выяснишь, в какой именно точке Сахары тебя угораздило сесть...

Интересно, кто это придумал — собрать так много людей на одной планете? Если такой придумщик и был, то здесь он явно ошибся: каждому человеку нужна отдельная планета. Звезд полным-полно, и все они бесконечно далеки друг от друга, почти так же, как люди.

Интересно, а что может испытывать человек, который оказался один-одинешенек на планете? Или так: пусть на несколько мгновений каждый человек, живущий на планете Земля, окажется один на любой из этих, что над головой. Тлеющих карликов в расчет не брать, светила вроде Солнца — тоже... Конечно, эти люди испытают всю сладость и безысходную горечь одиночества. И сильно обрадуются, когда вновь обнаружат себя дома. Возможно, некоторые из них научатся ценить все, что угодно. Вплоть до земли, по которой ходят.

— Посмотри, кто у нас теперь есть! — улыбается Ренар.

Рыжий комочек подозрительно принюхивается к Тони. То ли руки старика такие огромные, то ли зверек слишком маленький, но он в них помещается.

— Откуда?!

— Глупые люди разорили лисью нору. Он один остался. — Ренар нахмурился. — Будет у меня, пока не окрепнет настолько, чтобы жить в лесу.

— Чтобы потом пришли другие глупые люди?

— Не знаю. — Старик пожимает плечами. — По крайней мере, его место в лесу, и ничего ты с этим не поделаешь.

Тони удивленно смотрит на то, как Ренар кормит лисенка молоком из пипетки, и никак не может понять одного.

— Скажи, а для чего их убивать?

— Кто-то говорит, что они шастают по курятникам, другие — что влезают в амбары. В этом есть смысл, но, понимаешь, их шкурки стоят очень дорого. Эти шкурки очень любят надевать на шею и показывать остальным — на зависть.

— И это все? — еще больше удивляется Тони.

— И это все, — грустно улыбается старик. — Посмотри, он же просто чудо! Почти уснул, а у меня дело есть, пусть пока вздремнет у тебя на коленях.

Маленький лис сладко посапывает, и Тони кажется, что тот мурлыкает, но это только кажется. Странно, лис его ничуть не боится. Мальчик задумался: а каким образом Ренару все-таки удалось выручить этого маленького рыжего?

3

Один, два, три, четыре, пять... Всего сто шагов от холма до холма. Даже если положить, что шаг Тони равен пяти футам, — птичке Мари для разбега нужна тысяча, и это при хорошем ветре. А здесь в два раза меньше... Он представил, как это будет выглядеть. Все очень просто: машина врежется в одну из этих песчаных горок, в лучшем случае — зацепит верхушку одной из этих песчаных горок. Выбирайте, господа вараны: Тони жареный, Тони под бензиновым соусом, Тони сушеный с песком...

Тебе не кажется, что плоских шуток в голове помещается не-много больше, чем смешных?

Как раз подходило время обеда. Вернее, время поедания первой половинки первого бутерброда. В тени крыла, которая здесь все равно не имела смысла, на брезенте ле-

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

жало несколько деталей. Тони долго разбирал и собирал их в надежде найти хоть какой-нибудь изъян. Ничего подобного. Бензонасос откровенно идеален, все контакты и емкости — до умопомрачения чистенькие. Даже карбюратор выглядит вполне исправным: там нет той отвратительно-черной масляной жижи, которая мешает газовать. Двигатель птички Мари конечно же предстояло перебрать тоже: уж если ты думаешь, что все исправно, значит, ты должен найти еще что-нибудь, что наверняка отказывает. Таковым было это сердцеподобное создание.

Господи Боже, ну почему это случилось именно здесь и именно со мной? Как я буду снимать эту стальную болванку, а даже если я ее сниму, то каким образом я поставлю ее обратно?

С тех пор как он познакомился с Мари (нет, не с той, которая птичка, а с той, в чью честь), Тони начал питаться исключительно в ресторанах. Разумеется, за свой счет. В последнее время все друзья, знакомые, а также знакомые друзей стали считать его гурманом. Гурманом! — и он рассмеялся: если бы хоть один из них видел, с какой жадностью он сейчас вгрызается в эту половинку! Разрази их гром — он даже забыл помыть руки!.. Крошки падали на брезент — он подбирал эти крошки. Серебристый цилиндр термоса жег глаза, но открывать его Тони не стал. Потому что за первой кружкой незамедлительно последует другая, а ведь машина до сих пор в коме...

— Внимание. Говорит борт двадцать два. Меня кто-нибудь слышит? Прием.

Тихий шелест помех в эфире. Неплохо для начала, можно попробовать и другие частоты.

— Внимание. Говорит борт двадцать два. Меня кто-нибудь слышит? Прием.

Неожиданно кабину разорвал военный марш. Мрачный импотент писклявым голосом выкрикивал непонятные лозунги, а толпа вторила ему. Тони опять разобрало.

— Вот так всегда, мой милый Дольфи. Ты должен умереть, но тебя слышат все. Я хочу жить — и меня никто не слышит!

Тони ударил по приборной панели. Разбилось стекло тахометра.

Радио тут же смолкло, и любая попытка вернуть его к жизни терпела неудачу. Тони резал пальцы осколками стекла, бил ни в чем не повинный фонарь кабины, орал во всю глотку — и это тот самый невозмутимый пилот по имени Тони, которому смотрят вслед все женщины, потому что ему подвластно небо. Потому что он смотрит прямо в глаза — честно, открыто и без тени стеснения. Потому что его пулеметы вспороли брюхо не одному «фоккеру». А сейчас он один на один с собой. Нет друзей, которые всегда хлопают тебя по плечу: мол, старик, не переживай, все будет а-ля Версаль — подумай, сегодня не заводится, завтра будет все по-другому! Нет и врагов, которые ненавидят и завидуют, пытаются раздробить тебя на щепы и дюраль. Есть только

Сахара — пустая и бездушная, ледяная и раскаленная, есть звезды — те самые, которые когда-то ты видел в каштанах, такие же бесконечно далекие. Она, пустыня, тебе не друг, и ты ей не враг, просто так получилось, вот и все.

Тони вытер слезы. Когда один — можно все. Время перевязывать раны. Время просить прощения у птички Мари, чей тахометр ты только что раздолбал.

Внезапно включилось радио. Сквозь треск помех отчетливо прослушивался голос, который никак не мог принадлежать мрачному импотенту. Голос был спокоен и тих. Но разобрать, о чем речь, никак не удавалось.

— Все будет хорошо, — вдруг услышал Тони напоследок, и тут же помехи вновь перекрыли эфир.

31 декабря 1944 года, день. Я тебе верю.

Внезапно вокруг потемнело и все наполнилось ветром и пылью. При малейшей попытке высунуться из кабины, рот и глаза забивал песок. Тони понимал, что внизу, прямо под крылом, на брезенте, лежат очень важные детали его любимой птички. И что любой достаточно сильный порыв ветра может перевернуть моноплан как игрушку. И вообще, было бы неплохо воспользоваться колышками и веревкой. Однако он захопнул фонарь и сидел в кабине, тупо уставившись на приборы. На коленях лежала записная книжка. Отчаянно хотелось спать: то ли из-за резкой перемены погоды, то ли из-за порезов на пальцах, то есть потери крови и жажды, жажды...

Летний день, огромное, залитое зеленью поле. Тони, раскрыв рот, наблюдает, как огромная птица под названием «триплан» заходит на посадку. Конечно, он видел ее фотографии в газетах, видел и бравого усатого пилота, но чтобы вот так запросто — в первый раз в жизни и тем более в такую рань?

Нет, конечно, городок изредка навещали авиаторы, но обычно это сопровождалось оркестрами, шумом-гамом, жандармами, и люди на поле стояли друг у друга буквально на головах, лишь бы одним глазком глянуть на чудо-машину.

Тони точно знает: появление самолета всегда сопровождается шумом работающего двигателя. Однако сейчас на удивление тихо — пропеллер мрачно висит в ожидании посадки.

Минута — и триплан уже на земле. Ноги сами несут Тони вслед машине. Она великолепная: серо-серебристая в утренних лучах. Выходит, в этот проклятый городок, где матери возвращаются под утро, а лучшие друзья умирают, все-таки иногда заглядывает чудо. Тони всегда мечтал увидеть того, кто держит штурвал, и просто пожать ему руку. Такие люди должны быть.

Полукруглая дверца распахивается, и человек срывает с головы летный шлем. Всклокоченная шевелюра, широко распахнутые глаза: о да, разумеется, он боялся, пока заходил на посадку. Но уже через пару секунд лицо пилота расплывается в спокойной улыбке. Будто это вовсе не он сейчас чуть не рухнул вниз.

— Еще немного, и туда влетит муха!

— Хорошо, что здесь нет военного оркестра, — парирует Тони.

— Что верно, то верно. Знаешь, не люблю я эти оркестры. Постоянно фальшивят, да и сесть почти нигде: того и гляди, воткнешься в какой-нибудь тамтам. Кстати, в вашем городке есть кто-нибудь, кто продает бензин?

— Есть.

— Э... кстати, как тебя зовут?

— Тони.

Сильная, шершавая ладонь крепко сжимает руку подростка.

— Бенсон. Бо Бенсон — для друзей просто Бо. Ты не мог бы проводить меня?

— Конечно. А как же самолет?

— А куда он денется? — смеется Бо.

— Верно... Скажите, мсье Бенсон, вы... очень сильно испугались, когда у вас заглох мотор?

— Честно? Только никому не говори, ладно, Тони? Я думал, что это утро для меня будет последним.

Страшно хотелось пить. Непонятно, сколько времени он просидел в кабине и как потом оказался на песке.

Птичка Мари стояла рядом, будто песчаная буря ее и не коснулась. По крайней мере, так кажется в темноте. Но в горле медленно нарастал ком: брезента с теми самыми важными штуками на месте не оказалось. На зубах хрустит пустыня. И похоже, где-то придется искать воду, а заодно и что-нибудь, во что эту воду наливать.

— Ты правда веришь, что твое желаемое и есть действительное?

— Скорее нет, чем да.

— Как ты думаешь: у тебя есть шанс оторваться без карбюратора и свечей?

— Вообще-то на моей практике...

— Обойдемся без теорий. Ты как предпочитаешь умереть: медленно или?..

— Предпочитаю жить. А что?

— Да нет, ничего. Это я так, просто так.

Перочинный ножик от «Кюблер». В палец длиной, в два толщиной. Миниатюрный штопор — это, само собой, для вина (ах да, мы забыли коньяк!). Пилочка для ногтей — одна из самых нужных вещей в пустыне, наверное. Щипчики — естественно, отполированные ногти должны быть ровными, а как же без этого? Консервный нож, он же для открывания бутылок пива. Лезвия — маленькое и чуть побольше: одним можно резать хлеб, другим намазывать на него паштет. Печеночный.

— Восхитительный клинок, не правда ли? Смотри, какой острый!

— Нет, погоди, не торопи события, ладно? У меня осталась целая сигарета. И еще немного спичек. Могу я хоть...

— Безусловно, можешь. Только быстрее, хорошо?

— Успокойся. Куда я денусь? Правда, у коробочки слегка потерлись бока во время последнего наводнения. И сера...

— У тебя какое-то невнятное чувство юмора. Впрочем, о плоских шутках мы, кажется, уже говорили?

— Слушай, оставь меня в покое до тех пор, пока я не добыю свой «Житан» без фильтра, договорились? Я твой, твой, но только после того, как...

Спички ломались одна за другой. Конечно, Тони мог бы воспользоваться углями (которые, кстати, тоже были неожиданностью). Но ему нравилось именно чиркать. Звук получался каким-то приглушенным. И когда он совсем уж решил бросить эту затею, то услышал этот звук снова. Как будто кто-то сидел рядом и чиркал.

— Кто здесь?

Спичка вспыхнула, и неровный свет выхватил треугольную мордочку. А ее обладатель сидел как ни в чем не бывало и молотил задней лапкой за ухом.

— Разве лисы живут в пустыне?

В ответ — фырк. Очень недовольный фырк! Как будто люди живут в пустыне. То есть, конечно, живут, но тогда чему удивляться?

— А ты тот самый?

Вместо ответа лис забрался Тони на колени и свернулся клубком, как когда-то.

Ты успел повзрослеть, но не настолько. Да, когда ты вдруг оказываешься один, когда вокруг нет ни души и неожиданно к тебе приходит твой старый друг, то уже безразлично, что с твоим самолетом.

— А знаешь, с тех пор много воды утекло. Я научился летать. Этого не передать словами — нужно просто быть в

кабине. Впрочем, иногда слова находятся, и я их записываю. А иногда рисую. Хотя и не умею. Слушай, я так рад, что ты здесь, маленький лис!

— Может, он слушал, а может, и нет — кто знает?

— Я помню, я все помню. Жаль только, что Ренара уже нет... Вот понять бы, как ты здесь очутился? Ладно, не хочешь говорить — не надо, я сам попробую угадать. Или и этого не надо, а то вдруг окажется, что ты мне снишься?..

С самого начала он был уверен, что все это бред. Нет никакого лиса. Нет никакого радио. Есть только страх, жара, жажда и самолет. И больная голова. Но рыжая кисточка маячила перед глазами, пока он передвигал свое брэнное тело по песку. Одно время казалось, что лис хочет удрать, но, когда Тони останавливался, чтобы передохнуть, зверек терпеливо ждал.

Он шел много часов подряд, и нельзя сказать, что это была самая приятная прогулка в его жизни. Потрескавшиеся губы, волдыри на ногах, мутная пелена перед глазами. Что ж, рано или поздно это должно было случиться, но лучше быть жертвой, которая сопротивляется, чем просто жертвой... Лис двигался на удивление прямо, как будто точно знал, куда идет и зачем. Жаль, что он не мог разговаривать.

В общем, Тони не удивился, когда увидел свое отражение в колодце. Он уже ничему не удивлялся. Источник сильно напоминал ему тот, что когда-то был на окраине его городка: черный камень, серебристое ведро, алмазная вода... Так вот, оказывается, для чего рыжий привел его сюда. Впрочем, это естественно: если лис появился в пустыне, значит, он знает, где вода. Будь у Тони друг, который угодил бы в подобный переплет, не сомневайтесь, он, Тони, поступил бы точно так же.

— Кстати, как насчет того, чтобы... Эй, а ты где?

Молчаливая игра воды под солнцем. Пустота от горизонта до горизонта. И следы на песке: одни побольше, другие поменьше.

— Я только хотел предложить тебе попить вместе со мной. Зря ты так. — Тони наклонился к ведру и сделал первый глоток. — За тебя, маленький друг! Ради такой встречи можно заглухнуть даже на Южном полюсе... хотя нет, не надо. Главное, что ты меня понял...

Он бывал во многих ресторанах. Разные знакомые из числа процветающих приглашали его в элитарные винные погреба. Но по сравнению с этой водой самые дорогие вина теперь казались сущей кислятиной.

Идти обратно не было сил...

4

— Отлично! — Бо Бенсон легким движением закручивает крышку бака. — Теперь осталась самая малость.

— Это какая же?

— Х-м... предположим, у тебя есть твой собственный самолет и у него полон бак. Погода отличная, а на земле скучновато. Что будешь делать, Тони?

— Летать?

— Точно. Но один ты не справишься. Так что полезай за штурвал.

Ветер, дыхание и трава на мгновение замирают. За штурвал?

— За штурвал?

— Пока я не передумал.

Перед глазами три непонятные штуки, похожие на часы. Но это точно не часы.

— Ол'райт, мистер Тони. Видишь эту ручку? Она называется контактом. Потяни ее на себя. Смелее, она тебя не съест. Так. Теперь чуть левее. Это дроссель. Потянешь его

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

на себя, когда я крикну «газ». Не раньше. Все понял?

— Надеюсь, мсье.

— Это немного не то слово.

— Потянуть дроссель на себя, когда вы крикнете «газ». В момент, когда вы начнете раскачивать пропеллер, так ведь, мсье Бенсон?

— А ты сообразительный. Ну все. Готов?

— Да.

И Тони остается один на один с машиной.

— Контакт. Тони, я сказал — контакт!

На себя. Что-то вздраг...

— Газ!

Рычаг. Тони слышит, как двигатель несколько раз всхлипывает, но... это все.

— Ничего, все в порядке. Теперь контакт от себя. Дроссель от себя. Придется подождать...

Даже воздушные змеи поднимаются не сразу, а здесь — целый триплан. Две минуты, сто двадцать секунд, целая вечность и одно мгновение, чтобы сделать...

— Контакт!

И снова на себя. Уж в этот раз...

— Газ!

Магнето. Ничего особенного — просто катушка с медной проволокой и кусок стали. Там рождается электричество, оно бежит по проводам и дает искру свече. Взрывается бензин, и железное сердце начинает свой бег. Машину трясет, в лицо бьет ветер, немного масла на козырьке кабины, а рука держит дроссель в одном положении, потому что немного сильнее — и человек у пропеллера рискует попасть в мясорубку. Но все хорошо, Бо Бенсон улыбается, потом жмет руку, поздравляет.

— По-моему, ты будешь лучшим из лучших! — кричит он сквозь рев. — У меня это получилось с двадцатой попытки! Полетели?

— Да, мсье.

— Черт возьми — Бо, зови меня просто Бо!

Земля уходит из-под шасси, и ферма становится похожей на спичечный коробок, а виноградники — на лоскутные одеяла. Очень холодно, но разве это имеет значение?

Десять тысяч футов ветра под килем, давление в норме, температура отличная. Желтое море под ногами, голубой океан над головой. И не важно — как. Может, это было, потому что разбито стекло тахометра, а может, и не было, потому что не может машина летать без карбюратора. Никак. Кому-нибудь рассказать — не поверят, разве что бортмеханик. Длинна разбега — пятьсот футов, а должна быть в два раза больше. Во имя лиса — для чего забивать голову лишними вопросами? Все было как было, и ничего тут не поделаешь. Ничего-го.

